

ковским князьям», 4) сочувствие к крестьянам и вообще «ко всем бедствующим» — «лица, испытавшие тяжкие удары судьбы, понимают горе чужих людей», 5) «колонизационный и организаторский талант» как результат «многовекового боярского опыта», 6) склонность к «отшельничеству» и «общежительному монашеству».³⁶ Полной противоположностью этому направлению является иосифлянское «внешнеаскетическое направление», свойственное монахам, происходившим из дворян. Для них характерны: «склонность к строгой внешней организации монастырской жизни» и благоговейное отношение к власти князя как результат «полной зависимости» дворян от князя и привычки к дисциплине, связанное с этим же полное признание авторитета «божественного писания», «дух нетерпимости и суровости», вызванный воспитанным в дворянах «подозрительным и недоверчивым отношением к людям», хозяйственность и «стяжательность», приобретенная дворянами на княжеской службе, и т. д.³⁷

Во многом сходны со взглядами В. А. Келтуялы воззрения другого представителя «вульгарной социологии», уделявшего внимание древнерусской литературе, — П. Н. Сакулина. Указывая на необходимость «выровнять наш методологический фронт» и построить всю русскую литературу на единых социологических принципах, П. Н. Сакулин относил древнерусскую литературу к той «культурной эпохе», когда «классом-гегемоном» был «высший образованный класс (князья, бояре, высшее духовенство)».³⁸ Классовый характер древнерусской литературы и для П. Н. Сакулина определялся прежде всего классовым происхождением древнерусских писателей — выходцев из среды «духовенства, монашества, княжеской знати, боярства и дружины»; «с помощью литературного творчества разные классовые группы выражали свою психологию и идеологию с теми оттенками, какие были подсказаны их принадлежностью к определенному периоду и к определенной области».³⁹ При конкретном рассмотрении литературных памятников П. Н. Сакулин почти забывал об этих принципах; древнерусская литература рассматривалась им прежде всего как литература «византийской культуры», основные «стили» этой литературы — «церковный и светский». В. А. Келтуяла оказывался в этом отношении гораздо более последовательным «социологом», чем П. Н. Сакулин.

Упрощенная «классовая интерпретация» явлений литературы (в частности древней русской литературы), содержащаяся в трудах «вульгарных социологов», была отвергнута советской наукой уже в 30-х годах. В 1934 г. в работе «Ленин и литературоведение» А. В. Луначарский подчеркнул важнейшее различие между подлинно марксистским и примитивно «социологическим» подходом к явлениям литературы. Ленинская теория отражения, писал А. В. Луначарский, «учитывает не столько генетическую принадлежность писателя, сколько отражение этим последним социальных сдвигов, не столько субъективную прикреплённость писателя и связанность его с определенной социальной средой, сколько объективную характерность его для тех или иных исторических ситуаций».⁴⁰

Писатель в антагонистическом классовом обществе обладает определенной классовой идеологией, но чем значительнее писатель, тем более узкими

³⁶ Там же, стр. 368—370.

³⁷ Там же, стр. 393—394.

³⁸ П. Н. Сакулин. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей, ч. 1. — Литературная старина. М., 1928, стр. 7 и 14.

³⁹ Там же, стр. 176.

⁴⁰ А. В. Луначарский. Статьи о литературе. М., 1957, стр. 41; ср.: М. Л и ф-шиц. Вопросы искусства и философии. М., 1935, стр. 301—312.